

ТВОРЧЕСТВО КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СУЩНОСТНЫХ СИЛ

CREATIVITY AS THE REALIZATION OF ESSENTIAL POWERS

В конечном счёте, укоренённость и успех реформ в значительной мере зависят от обеспечения созидательного вектора высвобождению творческого потенциала населения. Соответственно, задачи социального и индивидуального воспитания структурируются целями формирования личности, собственно образования её. Культивирование общественной среды, способствующей развитию и реализации сущностных сил человека, – решающий фактор продуктивной социализации/аккультурации. Качественно-количественное усложнение ойкумены под воздействием процессов постсовременных, постглобальных и постиндустриальных трансформаций требует адекватного изменения потенциала эффективного практико-теоретического влияния на действительность. Так, расширяются объективные основания для повышения многоуровневого разнообразия. Вместе с тем для консолидации субъективных предпосылок развития растёт роль защиты стандартов отношений, расцениваемых как справедливые. Это, в свою очередь, дополнительно акцентирует значение своеобразия культурно-цивилизационных миров.

Ключевые слова: творчество, сущностные силы, культурно-цивилизационные миры, социализация.

У кінцевому підсумку, вкоріненість та успіх реформ значною мірою залежать від забезпечення конструктивного вектора вивільненню творчого потенціалу населення. Відповідно, завдання соціального й індивідуального виховання структуриються цілями формування особистості, власне творення її. Культивування суспільного середовища, що сприяє розвитку та реалізації сутнісних сил людини, – вирішальний фактор продук-

тивної соціалізації/аккультурації. Якісно-кількісне ускладнення ойкумени під впливом процесів постсучасних, постглобальних і постіндустриальних трансформацій вимагає адекватної зміни потенціалу ефективного практико-теоретичного впливу на дійсність. Так, розширюються об'єктивні підстави для підвищення багаторівневої різноманітності. Разом із тим для консолідації суб'єктивних передумов розвитку зростає роль захисту стандартів відносин, що розцінюються як справедливі. Це, у свою чергу, додатково акцентує значення своєрідності культурно-цивілізаційних світів.

Ключові слова: творчість, сутнісні сили, культурно-цивілізаційні світи, соціалізація.

Finally, the rootedness and success of reforms depend to a large extent on providing a constructive vector for the liberation of the creative potential of the population. Accordingly, the tasks of social and individual education are structured by the goals of the formation of the personality, actually its formation. The cultivation of the social environment that fosters the development and realization of the essential forces of man is the decisive factor of productive socialization/acculturation. Qualitative and quantitative complication of ecumene under the influence of post-modern, post-global and post-industrial transformations requires an adequate change in the potential for effective practical and theoretical influence on reality. Thus, objective grounds for increasing multilevel diversity are expanding. At the same time, for the consolidation of the subjective prerequisites for development, the role of protecting the standards of relations that are regarded as fair is growing. This, in turn, additionally accentuates the importance of the uniqueness of cultural and civilizational worlds.

Key words: creativity, essential powers, cultural and civilizational worlds, socialization.

УДК 316.42+304.4+304.5

Шедяков В.Е.

д.соц.н., к.э.н.

независимый исследователь (Киев)

Каждому приходится выбирать – ради чего жить:
ради того, чтобы стать удобрением,
или ради того, чтобы стать светом добра
и этим светом светить людям.

Симеон Афонский

Постановка проблемы. Общество представляет среду предпочтительных развития/реализации сущностных сил каждого, моделируя, сообразно исторической эпохе, наиболее вероятный жизненный путь при серии тех или иных выборов. Тем самым складывается баланс предопределённости и поведенческой свободы, объективных обстоятельств и субъективных действий. Следование прежним традициям или взламывание их и создание новых рождает своих героев и последователей-эпигонов.

Анализ последних исследований и публикаций. Лао-цзы и Конфуций, Абу Рейхан аль-Бируни и Абу Наср аль-Фараби, И. Кант и Г.В.Ф. Гегель, М. Бакунин и К. Маркс рассматривали ключевые элементы взаимообогащения механизмов индивидуального и социального развития. П. Анохин, Е. Ануфриев, Г. Арефьева, Л. Архангельский, В. Барулин, С. Батенин, Н. Бердяев, Ю. Бородай, А. Бузгалин, В. Букреев, И. Бычко, О. Джиоев, Б. Додонов, Е. Донченко, О. Дробницкий, А. Здравомыслов, Э. Ильенков, В. Келле,

В. Кизима, Н. Козлова, А. Колганов, П. Копнин, А. Коршунов, Р. Косолапов, Н. Костенко, В. Кремьянский, В. Кузьмин, А. Леонтьев, М. Лифшиц, Л. Ляхова, Г. Маркузе, Ф. Михайлов, Т. Павлов, Н. Панина, В. Паниотто, А. Петровский, Л. Петрушенко, Е. Режабек, В. Сагатовский, Л. Сохань, В. Толстых, В. Тугаринов, А. Уледов, Ю. Фёдоров, В. Федотова, И. Фролов, Э. Фромм, А. Фурсов, В. Шилов, Г. Штракс, В. Ядов, Е. Якуба и др. проанализировали общепсихологические и социально-прикладные аспекты творческой активности. Хосе Ортега-и-Гассет в эссе «Человек и люди» (опубликованном в сборнике «Дегуманизация искусства» и другие работы»), сформулировал идеи, повлиявшие на понимание соотношения человека и общества (применительно к востребованности сущностных сил человека).

Характеристики творчества в трудовом процессе выявили Р. Дарендорф, Э. Берль, В. Библер, В. Борисов, В. Буслинский, И. Буян, Дж. Бэрнэм, Н. Дметерко, Э. Дюркгейм, А. Гастев, Г. Гиргинов, В. Ельмеев, Г. Жильцов, Р. Иванова, М. Каган, В. Камаев, Б. Кедров, А. Коршунов, В. Коцюбинский, В. Мазур, В. Мантатов, Э. Маркарян, Э. Миженская, Н. Мотрошилова, Т. Парсонс, В. Подмарков, Я. Пономарёв, И. Пусенкова, А. Разжигаев, А. Рубан, К. Садыков, Г. Селье, М. Солодков, Б. Сухаревский, В. Томашкевич, Ж. Тощенко, И. Чангли, Н. Чернина, В. Шановский, С. Шаповалов, в управленческом – А. Аверин, Р. Акофф, Ч. Барнард, Г. Браверман, Дж. Браун, М. Вебер, А. Венделин, Дж. Гвишиани, В. Голиков, К. Гудрич, С. Дзарасов, В. Дорошенко, П. Друкер, Л. Дятченко, Л. Канищенко, Р. Кемп, Р. Киркбридж, Ф. Кожурин, А. Кредисов, П. Лебедев, П. Лорандж, Дж. Марч, В. Медведев, Э. Мейо, Р. Мертон, М. Мескон, Р. Моклер, У. Оучи, С. Повная, В. Полторацк, Ф. Ротлисбергер, Г. Саймен, А. Слоун, А. Спиридонов, Е. Старосьцяк, Дж. Стори, Л. Суворов, Ю. Сурмин, Ф. Тейлор, Ю. Тихомиров, Д. Уайлд, А. и М. Уилсоны, Л. Уорвик, Р. Уотермен, М. Фолетт, А. Файоль, У. Флиппо, Г. Фрон, С. Хайнц, Ч. Хенди, А. Этциони, Л. Якокка, С. Янг и др. В. Арнольд, И. Пригожин, Г. Хакен заложили основы синергетических подходов в управлении. Исследования Э. Афолина, О. Балакиревой, Е. Головахи, Э. Либановой, Е. Копатько, В. Небоженко, И. Шапошниковой и др. позволяют оценить специфику украинских условий для развития творчества. Соответственно, текст основан, во-первых, на аналитике авторов-исследователей индивидуального и социального творчества; во-вторых, на психолого-педагогических идеях сотворчества в образовательном процессе; в-третьих, на изучении закономерностей и случайностей подвижности границ продуктивного сочетания

механизмов самодвижения общества и диапазона эффективных воздействий на них.

Постановка задачи. Эффективное осуществление модернизации в условиях усиления во всемирном масштабе роли постсовременных, постиндустриальных и постглобальных тенденций вызывает дрейф ресурсно-методологических баз взаимовлияний [1–5]. Важнейшая практическая и теоретическая проблема – оптимизация социетальных воздействий на ход трансформаций с учётом отражения последствий этого в плоскостях большой стратегии, собственно стратегии, тактики и оператики. В этой ситуации основная задача статьи – характеристика творчества как качества процесса само- и взаимореализации в контексте происходящих перемен.

Изложение основного материала исследования. Творчество – взаимодействие для созидательной консолидации на принципах соразвития. Сущностные силы требуют своей реализации. Сакральное значение творчества – в продуктивном единстве «инаковости», своеобычности, глубоко индивидуальной одарённости и сущностных сил, родовых по своей природе, единых для человечества, но заметно отличающихся в разных культурно-цивилизационных мирах. Особенности поведенческой активности человека рождаются в сопоставлении его личной одарённости и стимулирования характера и направленности её развития и реализации общественной средой, преломляя условия индивидуализации и социализации/аккультурации в дереве интересов, целей и стремлений. Широкая палитра комбинаций индивидуальной одарённости каждого и связанные с отличиями характеров поведенческие особенности входят в механизмы выживания человечества, приспособления к меняющейся среде, поиска преимуществ безопасности и развития. А вот социальное неравенство, проявляющееся, в частности, в неравноправии в доступе к возможностям общественно полезного самоосуществления и условиям жизнедеятельности – источник и деградации (как общественной, так и индивидуальной), и накопления протестного потенциала. В процессе жизнедеятельности характер и направленность взаимодействия (партнёрства и конкуренции) могут существенно различаться. Соотношение собственно человеческого, святого и звериного начал в отдельном индивидуе и в общественном бытии всякого культурно-цивилизационного мира различно. Вектор подвижности этого баланса формирует разные приоритеты при создании: как в божественном уподоблении при продуцировании/творчестве смыслов, так и животном – при биологическом репродуцировании/размножении. Звериное начало искушают сытостью, человеческое – справедливостью

в обеспечении реализации идеалов свободы, равенства и братства. И путь реформ – направление укрепления собственно человеческого начала в обществе, соответственно, очеловечивания общественной жизни, гуманизации социально-политических и социально-экономических отношений.

Безосновательная, а то и извращённая активность (например, вырастающая из отрицательной нравственной силы) формирует не только разнообразное графоманство, но и разветвлённые структуры превращённых и иррациональных форм. Системность социальных и индивидуальных извращений развития и реализации сущностных сил обеспечивается процессами отчуждения. Отчуждающая человека среда не уничтожает, но искажает творчество как саморазвёртывание его сущностных сил, гипертрофируя случайный характер и поддерживая социальное неравенство и эгоцентризм. Снятие отчуждённых форм предполагает как уничтожение (само)разрушающего уровня творческого развития сущностных сил, так и сохранение достижений. Отнюдь не формальные конструкты, а качество жизни и возможности творчества определяют прогресс страны, новые же горизонты развития открываются там, где общественное устройство максимально способствует общественно полезной реализации творческого потенциала каждого [6–12]. Соответственно, уровень реализации прав человека, качество его жизни, возможности творческой самостоятельности и самовыражения – принципиальные завоевания социального прогресса, его неотъемлемые черты. В этих условиях отказ от идеологии социального государства мог бы привести не только к утрате трудового (в частности научно-интеллектуального) потенциала, ослаблению заинтересованности работников, но и к подрыву социокультурной базы общественного согласия и социально-экономического развития. При этом представления об обществе и государстве общего процветания (благополучия) сегодня связываются, скорее, с ценностно-смысловыми комплексами не праздности и потребительства, а созидания и творческого поиска. Это ориентирует не на скопление разнообразных социальных иждивенцев и их услуги, а на активную поддержку творчества с приоритетом прав и свобод человека; социальной справедливости, то есть социального равенства людей в правах и возможностях; солидарности, понимаемой как выражение общности человечества и сочувствия к жертвам несправедливости.

Дополнительно распространение общественно полезных форм индивидуального и социального творчества стимулируется необходимостью кардинального расширения круга участников процесса управления, преодолением

делением на решающих и исполняющих. При этом стратегическая культура отражает не только качество элиты, но и характер всего народа, что ориентирует на ресурсно-методологические базы её развития, связанные с ценностно-смысловыми комплексами и требующими приоритета творчества (прежде всего, в труде и управлении). Безудержный оптимизм и потоки безбрежной «чернухи» в равной степени могут инспирироваться для отсекаания исторических альтернатив и направления к «единственно верному пути». Между тем, иное возможно, однако требует духовной, душевно-нравственной и интеллектуальной работы, суть которой концентрируется вокруг творчества. Настройки государственного управления дополнительно напоминают о наличии трёх главных измерений: обеспечения индивидуальных прав человека, подъёма социально-экономического благосостояния и политического сознания. Эти направления взаимосвязаны, при этом, например, высокий уровень культуры вложений в образование и профессиональную подготовку, науку, здравоохранение и социальное обеспечение работников – неотъемлемая черта (само)управления, превращения человеческого потенциала в человеческий фактор модернизации. При разнообразии путей социогенеза борьба за возрождение ценностно-смысловых комплексов своего культурно-цивилизационного мира прямо и непосредственно оказывается в числе высших приоритетов социума, так же как и ресурсы её воплощения: культура, идеология, наука. И, особенно, образование, сущность которого – не культуртрегерство или натаскивание обрывков знаний, а именно образование личности, её созидание (самосозидание).

Творчество предполагает знание о свойствах как окружающего мира, так и участников творческого процесса реализации/развития в деятельности сущностных сил. Знание – условие понимания при интерпретации: процессы освоения (в частности опредмечивания и распрепредмечивания) требуют восприятия репрезентированного смысла. «Предметность деятельности порождает не только предметный характер образов, но также предметность потребностей, эмоций и чувств» [13, с. 89]. При этом самоотражение, в свою очередь, может представлять собой форму активности, в т. ч. познавательной и деятельностной. Так, в социально-историческом контексте отражение трансформирует внешнее воздействие в имманентный двигатель самопознания, самоотграничения и дальнейших метаморфоз: конкуренции и партнёрства. В частности, «предыстория человеческой деятельности начинается с приобретения жизненных процессов предметности» [13, с. 85]. Вместе с тем «нельзя рассматривать все виды сознания как

непрерывную последовательную цепочку перехода сознания с одного уровня на другой» [14, с. 61]. Так, вещное (дореклексивное) знание имеет по преимуществу точечный, изолированный, несистемный, случайным образом сформированный в слиток, не поддающийся аналитическому расчленению характер. Между тем, оценка реального происходит в сравнении его с идеальным. В побуждении к осуществлению рефлексивного мышления существенную роль играют ожидания «идеализированного Я», мировоззренческие представления [15–17]. Вместе с тем идеалы Красоты, Добра, Истины не только формируют представления и установки, но и выводят за пределы актуальной реальной жизни. Причём развёртывание виртуальных реальностей повышает арсенал обоюдного давления при взаимопереходах виртуального и реального, одухотворении материального и материализации духовного. Идеалы общественных справедливости, свободы и равенства преломляются сквозь представления каждого культурно-цивилизационного мира, сконцентрированные в его базовых ценностно-смысловых комплексах. Накопленные предпосылки качественно-количественного усложнения ойкумены под воздействием процессов постсовременных, постглобальных и постиндустриальных трансформаций требуют адекватного изменения потенциала эффективного практико-теоретического влияния на действительность. Так, кардинально расширяются объективные основания для повышения многоуровневого разнообразия. Усиливает общественное звучание формула «творческая многоликость – жизнь, единообразие и упрощение – уродование в прокрустовом ложе и смерть». Живое противоречиво, через разрешение противоречий осуществляется развитие. Качественная разнородность – один из необходимых моментов взаимодействия как основания процессов развития. Соответственно, если противоречие представляет собой элемент, обязательно присутствующий во всяком живом, развивающемся процессе, то отсутствие противоречий – признак остановки и смерти. Оглуплять и манипулировать с направлением «единственно правильным путём» к загодя спланированному «новому порядку» можно при помощи создания социальной среды как безудержного оптимизма, так и напора потока беспросветной «чернухи». Напротив, высвобождение созидательного потенциала (а не звериных инстинктов) требует осознанности своей жизнедеятельности и рефлексивности мышления. При этом перед каждым стоит выбор приоритета: выживание/благополучие собственное (в частности с присоединением к ценностно-смысловым комплексам господствующего в данный момент культур-

но-цивилизационного мира) или же своего культурно-цивилизационного мира. Создание условий, стимулирующих упрощение потребностей и интересов, низведение человека до уровня звериных инстинктов (так и «потребитель – экономическое животное», по меткому замечанию Д. Калаича), а общество – до его атомизации, превращается в путь не только к ускоренной деградации, но и к уничтожению культурно-цивилизационного мира.

Обеспечение реализованности и самостоятельности каждого из культурно-цивилизационных миров (макрорегионов) сегодня непосредственно зависит от умения распорядиться не только имеющимся потенциалом, но и, прежде всего, его научно-интеллектуальной составляющей. Создание благоприятных для творчества (прежде всего научного) условий оказывается не только целью, но и важнейшим условием успеха проведения осовременивания уклада жизнедеятельности. Научно-методологическое и нравственно-ценностное обеспечение творчества в труде и управлении – непреложная необходимость разумной инициативы исторического масштаба. Природа рефлексивного регулирования процессов общественной жизни требует внимания и учёта качеств не только объективной, но и субъективной составляющей исторического процесса, в частности деятельных участников и колеблющихся, актива и пассива происходящего, союзников и противников, их структурной и функциональной определённости. Тем самым развитие социально-политических процессов предполагает вызревание как самой общественной среды, так и кластеров будущего как звеньев цепи, потянув за которые можно изменить весь общественный организм.

Культивирование общественной среды, способствующей развитию и реализации сущностных сил человека, – решающий фактор продуктивной социализации/аккультурации. Вместе с тем меняется качество процессов социализации – индивидуализации. Например, с одной стороны, общественно необходимым становится обеспечение развития и реализации сугубо индивидуальной комбинации одарённости человека, с другой – кардинально возрастает зависимость при этом не только от других участников социальной жизнедеятельности, но и от смыслов, воплощённых в «прошлом» труде. Собственно, известная концепция освобождения труда и личности у К. Маркса создавалась преимущественно на историческом материале «европейского полуострова Азии» и посвящена по преимуществу именно европейской истории. На все остальные макрорегионы приходится лишь пунктир «азиатского способа производства». Между тем динамика иных цивилизаций

вовсе прошла мимо внимания как не раскрываемая в схеме. При этом со временем империалистическая ветвь капитализма столь же естественно породила фашистское направление западного тоталитаризма, как и либеральное развитие – индивидуализм или же поиски продуктивного коллективизма – социализм; причём всё это под лозунгами поиска свободы и справедливости. Реализация раскрепощения личности в западном варианте часто оборачивается освобождением инстинктов. Перенос же схемы в другую общественно-историческую среду либо сбил, либо давал существенные изменения, заметно обогащая исходную модель. Ценностно-смысловые комплексы: мировоззренческие и инструментальные, общественные и индивидуальные – отражаются на восприятии сущего и воплощаются в понятии должного, предрасполагая к определённым чертам веры, диалекта, обычаев и привычек.

С одной стороны, состояние социокультурной среды – важнейший фактор развития и реализации творческого потенциала каждого, с другой – сама творческая активность населения является весомым аргументом становления среды. Формирование общественной среды, способствующей социальной активности, – важнейшая задача общества, а создание предпосылок, культивирование и реализация одарённости – обязанность государства. Вместе с тем без обеспечения научного уровня методологического обеспечения соучастие в управлении бессмысленно и аморально. При этом, с одной стороны, рост значимости образования, науки и культуры среди ценностных иерархий влечёт за собой ускорение общественного развития, а подъём общества, в свою очередь, приводит к повышению ценности образования. С другой же – увеличение структурирующего общественные отношения влияния закономерностей формирования экономики знания само по себе усиливает потребность в интеллектуальной деятельности и регулярном возобновлении научно-методологической базы. А структура управляемого объекта в общественной целостности требует соответствия структуры управления им.

Развитие ойкумены переносит акценты в обеспечении совокупной производительности и итоговой конкурентоспособности на духовное (в частности интеллектоёмкое) самодетальное творчество: создающие смыслы становятся лидерами, тиражирующие вещи – манипулируемой периферией. И в умном обществе основной источник стоимости – творческая, прежде всего интеллектуальная, деятельность, а не психофизические усилия сотрудника, увеличение её удельного веса в общественно необходимом труде является определяющей закономерностью хозяйственно-

вания и предпосылкой успеха в соразвитии культурно-цивилизационных миров. Соответственно, меняется и мера взаимодиффузии труда, игры и учения в продуктивной жизнедеятельности. Разумеется, само содержание научно-интеллектуальной составляющей общественной жизни отнюдь не равнозначно информированности или даже знанию. Собственно, ещё Гераклит констатировал: «Многознание уму не научает». Избыток же появившейся после «информационного взрыва» информации, приводящий в общем случае к её инфляции, обостряет проблему отбора и интерпретации вообще информационной гигиены. Широчайшее распространение информационных потоков, во-первых, усиливает захламлённость пустой или непроверяемой информацией и усложняет информационный ландшафт, во-вторых, наращивает значение факторов доступа к её разнокачественным уровням, в-третьих, повышает значение общеметодологической культуры, позволяющей приходить к правильным выводам, отбирая из вороха сведений действительно важные и комбинируя качественные и количественные методы анализа, прогнозирования и моделирования конструктивных действий в постоянно изменяющейся обстановке [18–21]. Развивающееся (само)познание находит подтверждение своей истинности в реальной мере существующего (в частности общественного) пространственно-временного бытия, претворяясь в жизненные циклы человека и культурно-цивилизационного мира.

Для укрепления позиций в отношении культурно-цивилизационных миров в процессе их соразвития это, в частности, требует, чтобы добавленная стоимость распределялась с учётом затрат производителя, демократизировались системообразующие отношения общества (труда, собственности, управления), трансформировалась структура потребления. Вместе с тем экология личности предполагает постоянный гражданский выбор в пользу творчества как проявления сугубо индивидуальной комбинации дарований в общественно предоставляемой форме. Если ранее человек, как правило, реализовывался в строгих рамках predetermined рождением жизненной дороги, то сегодня в социальном масштабе свобода выбора в продуцировании смыслов сменила прежнюю свободу от выбора с низведением к животновещной репродукции. И выбор осуществляется с той или иной степенью сознательности и самостоятельности, с теми или иными приоритетами. Место общественной предрасположенности к отчуждённому канону и индивидуального порыва к творчеству заняла общественная потребность в творчестве, дополняемая индивидуальной склонностью к бегству от сложностей свобо-

ды. Противоречие родовых сил развёртывается в социальные конфликты,

Постсовременность впитывает в себя многообразие смыслов, образов, методологий, подходов и практик, от каждой из которых можно искать созвучное и отторгать чуждое. Как известно, традиционная культура аграрного общества реализовывала основную функцию управления интеллектуальной деятельностью в рамках формулы «делай так, потому что так делалось до тебя». В индустриальном обществе с культурой модерна генерализирующим направлением управления было «делай так, потому что это рационально». Для постсовременного общества характерен подход «делай так, потому что это эффективно». Причем эффективными могут быть самые разные парадигмы осуществления управленческих композиций. Культура постмодерна постиндустриального общества принципиально открыта, деидеологизирована, ненасильственна, базируется на развитии преимуществ, а не ликвидации недостатков. В этом – её ведущее отличие, потому этот признак пронизывает успешную организацию и управление деятельностью, особенно в имманентной эпохе деятельностью интеллектуальной. Обширный перечень происходящих кардинальных изменений достаточно часто фокусируются в определении постмодерной трансформации или постмодернизации, имеющей длинный ряд собственных характеристик, особенностей и свойств. Их существенная часть проистекает из особенностей информационной эры, сопряженной с повышением значения экономики знаний и деятельности когнитариата с его особенностями ценностно-смысловых иерархий (которые зиждутся на чувствах собственного достоинства, гордости за свою работу, профессионализма и перечеркивают подходы, основанные на подбострастии, сервильности, заискивании, угодничестве и т.п.) с соответствующими стимулами. Разумеется, при этом, с одной стороны, работа теряет качество единственного мерила жизнедеятельности (если ранее и образование – подготовка к ней, и пенсия – плата за неё), с другой – тем теснее интегрированность, значительнее диффузия навыков.

И если ранее культура создавалась для определённого круга, то нравственный вызов постсовременности – культура для всех, культура полилога, соприкосновения с чужими, когда каждый совершенно неожиданно для него может оказаться в ситуации контакта/взаимодействия с любым, даже самым странным социокультурным контрагентом. Общение – это судьбы дар или удар в зависимости от готовности к участию в социокультурных отношениях, от искренности, от

содержательности. При этом уже отнюдь не только верхушечная культура интеллигенции или аристократии, но и народная культура испытывается на излом радикальностью перемен, неприкрытостью перед внешним вмешательством. Соответственно, реактуализируется глубоко личностный выбор каждого: жить в многоцветном, карнавально пёстром калейдоскопе общения или отказаться от него (включая и общение с прошлым, общение со смыслами жизнедеятельности). Эта свобода выбора может оказаться действительно непосильной и потому страшной, как всё хорошее. Особенно в условиях, когда характеристики постсовременности накладываются на извечные черты культурно-цивилизационного мира с присущими ему образностью, неоформленностью, тягой к запредельному. Факторы же расчеловечивания и техногенности жизни порождают отчуждённость восприятия.

Соответственно, не надо служить ничьим идеям, кроме своих, разделять чьи принципы и подходы, кроме собственных. При этом не просто создаются основания, точки конденсации роста общественности и гражданственности, но формируются социально значимые мотивации действий/бездействия, конечный вектор трансформаций, активизация производительных сил общества, структурируется и упорядочивается социальный хаос. В этом контексте и само понятие развития нуждается в обновлении: кроме стабильного и сбалансированного роста, оно должно ориентироваться на такие максимы, как солидарность, взаимоуважение, свобода выбора, убеждений и слова, терпимость. Исчезает понятие периферийной культуры: они равноценны и равноправны. Усиливаются процессы соизмерения друг другом внешне противоположных подходов, на смену чистым формам (в частности мыслеформам) и образам приходят превращённые (преобразованные), вобравшие в себя элементы иной истории и отражающие черты новых носителей. Качество целостного явления формируется в процессе (само)развития в единстве сущностных свойств и функциональных признаков, проявляясь как специфика реакций. Разумная активность как основание исторической инициативы при саморазвёртывании сущностных сил человека воплощается в творчестве, социальная ценность которого зависит от освоения человеком ранее созданного и знания о свойствах мира. Вместе с тем надёжно мотивировать не страхом или корыстью, а интересом/любопытностью, любовью/надеждой можно лишь с опорой на ценностно-смысловые комплексы своего культурно-цивилизационного мира. При этом из каждого вида модели (традицион-

ной, модерной, постмодерной) развития конкретный культурно-цивилизационный мир может получить свою конкретику, соответственно, как глубинным пластам своих ценностно-смысловых комплексов, так и динамике трансформации. Соответственно, необходимо переходить от привычки к навязыванию глобальных стандартов крайне разнородным культурно-ценностным мирам, к ориентации на культивирование собственных общесоциальных условий продуктивности и долговременной стабильности жизнедеятельности.

Соответственно, задачи воспитания структурируются целями формирования личности, собственно образования её. Так, модерный проект освобождения личности в практической реализации чреват оборачиванием разгулом инстинктов, жизненной «расхристанностью» и бесцельностью трат существенных сил при доминировании права силы над силой права. Подготовка (включая потенциал самообразования и переподготовки) на общеметодологическом и профессиональном уровнях – необходимое условие массового участия в творчестве (прежде всего в труде и управлении). Инверсионные же явления неклассических трансформаций требуют более полно использовать в процессе социального регулирования вызревшие естественным путём социально-экономические формы, когда стратегия «прогрессоров» «облагодетельствовать насильно» (например, с использованием принципа окна Овертона) лишь обостряет противоречия, приводит к перерасходованию ресурсных баз и вызывает отторжение. Именно поэтому традиционные ценностные ориентации зачастую обновляются под знаком усиления мотивов социальной ответственности, умеренности, самоограничения, закрепления состояния социальной иерархии. Вследствие такой направленности реактуализируется интерес к культуре, к ценностно-смысловым комплексам. Приоритетным становится и ригоризм в требованиях к качеству и социальной ответственности элиты, осуществлению социетального управления, реализации функций власти. Повышение планки нравственной требовательности и социальной ответственности во всех сферах общественной жизни – это, во-первых, необходимость перехода к обществу знаний и экономике сложного и уникального труда, во-вторых, предпосылки осуществления принципов функционирования социального государства и расширения поля социальной защиты. Неадекватность же «элиты» масштабам стоящих перед обществом вызовов дополнительно усиливает потребность в эффективных механизмах народовластия/демократии. Разумеется,

государство – для обеспечения и защиты нужд и прав граждан, а не его население – для выполнения повинностей и соответствия прокрустову ложу абстрактных требований. В частности, государство обязано принимать и говорить языками населения, а не насильствовать граждан требованиями языкового шаблона, унификации речи и стандартизации мышления. При этом когда исторически сложившаяся государственная, в частности законодательная, система входит в противоречие с объективными закономерностями безопасности и развития общества, то усиливается потребность в направленном целеполагании, фиксируемом и структурируемом Сверхпроектом, предлагающим исторически обновлённые формы традиционным для данного культурно-цивилизационного мира ценностно-смысловым комплексам. Так, именно нравственные стержни через традиции, устои, обычаи создают, организуют и оберегают общество.

Выводы из проведенного исследования. Особенности поведенческой активности человека рождаются в сопоставлении его личной одарённости и стимулирования общественной среды. Сущностные силы требуют своей реализации. Вместе с тем безосновательная, а то и извращённая активность (например, вырастающая на отрицательной нравственной силе) формирует не только графоманство, но и разветвлённые структуры превращённых и иррациональных форм.

Результаты реформ в значительной степени зависят от реальных приоритетов относительно развития и реализации творческого начала человека в балансе стратегии, тактики и оператики их осуществления. При этом стратегическая культура отражает не только качество элиты, но и характер всего народа, что ориентирует на ресурсно-методологические базы её развития, связанные с ценностно-смысловыми комплексами и требующими приоритета творчества (прежде всего, в труде и управлении). Безудержный оптимизм и потоки безбрежной «чернухи» в равной степени могут инспирироваться для отсекаания исторических альтернатив и направления к «единственно верному пути». Между тем иное возможно, однако требует духовной, душевно-нравственной и интеллектуальной работы, суть которой концентрируется вокруг творчества.

По нашему мнению, повышение эффективности проведения научных изысканий в этом направлении может предполагать, в частности, исследование дрейфа возможностей общественных коммуникаций в реализации задач социальной педагогики и социетального стимулирования творчества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Селье Г. От мечты к открытию. Москва: Прогресс, 1987. 368 с.
2. Пономарёв Я.А. Психология творчества. Москва: Наука, 1976. 303 с.
3. Акофф Р. Искусство решения проблем. Москва: Мир, 1982. 224 с.
4. Шановский В.К. Диалектика сущностных сил человека. Киев: Выща шк. Головное изд-во, 1985. 172 с.
5. Шедяков В.Е. Стратегия постсовременного взаимодействия: методология и ресурсная база дальнейшего совершенствования. Нова парадигма. 2014. Вип. 119. С. 34–52.
6. Батенин С.С. Человек в его истории. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1976. 295 с.
7. Ватин И.В., Тищенко Ю.Р. Исторический процесс как становление человеческой индивидуальности. Проблема человека в «Экономических рукописях 1857–1859 годов» К. Маркса: коллективная монография / под ред. Е.Я. Режабека. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1977. С. 84–115.
8. Букреев В. Расчеловечивание человека в мировой истории: истоки и глобальные последствия. Москва: Флинта, 2011. 405 с.
9. Шедяков В. Співвідношення соціальних вимірів історичного процесу. Політичний менеджмент. 2013. № 59. С. 47–59.
10. Шедяков В.Е. Гармонизация индивидуально- и социального в становлении общества знания. European vector of contemporary psychology, pedagogy and social sciences: the experience of Ukraine and the Republic of Poland: collective monograph / ed. board: M. Kiedrowska, A. Erechemla, T. Brancki. Sandomierz (Poland): Baltija Publishing, 2018. Vol. 3. P. 446–470.
11. Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф. Творчество и отражение в историческом познании. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 192 с.
12. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве: сборник. Москва: Радуга, 1991. 639 с.
13. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. Москва: Политиздат, 1975. 304 с.
14. Диалектика рефлексивной деятельности и научное познание / под ред. Е.Я. Режабека и др. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. 240 с.
15. Дметерко Н. Глибинна мотивація рефлексивного мислення суб'єкта. Соціальна психологія. 2013. № 55. С. 3–9.
16. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. Москва: Прогресс, 1997. 413 с.
17. Шедяков В.Е. Акцентирование интеллектоёмкого творчества – условие формирования экономики, основанной на знаниях. Интеллект XXI. 2017. № 5. С. 124–128.
18. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. Москва: Логос, 2004. 368 с.
19. Шедяков В.Е. Постглобализм как социально-экономическое явление. Рухес. 2016. № 4 (3). С. 104–114.
20. Шедяков В.Е. Активизация научно-интеллектуального потенциала как ресурс стратегического управления. Стратегії економічного розвитку: держава, регіон, підприємство: колективна монографія: у 2 т. / заг. ред. К.С. Шапошникова та ін. Херсон: Гельветика, 2015. Т. II. С. 148–172.
21. Шедяков В.Е. Стратегічна культура проведення трансформацій: можливості та загрози. Розвиток економіки України під впливом економічних, соціальних, технологічних та екологічних трендів: колективна монографія / за ред. М.С. Пашкевич, Ж.К. Нестеренко; М-во освіти і науки України, Запор. нац. техн. ун-т, Нац. гірн. ун-т. Д.: НГУ, 2015. С. 30–41.